

*Дела-загадки детектива
Василия Всеволожского*

Владимир Кожедеев

Исторические детективы

Владимир Кожедеев

**Дела — загадки детектива
Василия Всеволожского**

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Дела — загадки детектива Василия Всеволожского /
В. Кожедеев — «Автор», 2026 — (Исторические детективы)

Часть 1 «Тень на старинном стекле» Сырой сентябрьский ветер гонит по просёлку пожухлые листья, когда тарантас частного детектива из Петербурга Василия Всеволожского останавливается перед чугунными воротами усадьбы Хованских-Морозовых. Пропала фамильная шкатулка с драгоценностями и завещанием. Полиция сказала: «Кража без взлома, ищите своих». Но едва Всеволожский переступает порог, он понимает, что это дело — не о золоте. На стекле кабинета проступают странные символы — перевёрнутое древо, тройной узел, звезда. По ночам в доме бродит высокая прямая Тень, которую никто не может поймать. А каждый из обитателей усадьбы — от властной вдовы до безмолвной экономки — лжёт, даже когда говорит правду. Часть 2 «Тверская петля» Телеграмма из Твери вырывает Всеволожского из привычной петербургской рутины: в усадьбе «Красный Бор» зверски убит князь Шереметев. Полиция склоняется к самоубийству, но старая княгиня знает — это ложь. И она готова платить любые деньги, лишь бы детектив нашёл правду.

Содержание

Глава 1. Приглашение из прошлого	5
Глава 2. Странные символы	8
Глава 3. Первые подозреваемые	12
Глава 4. История, которая не лежит на поверхности	16
Глава 5. Первая улика	21
Глава 6. Алиби, которые не складываются	24
Глава 7. Тайный ход	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дела — загадки детектива Василия Всеволожского

Глава 1. Приглашение из прошлого

Глава 1. Приглашение из прошлого

Сырой сентябрьский ветер гнал по просёлку пожухлые листья, когда тарантас, нанятый Василием на станции, остановился перед чугунными воротами усадьбы Хованских-Морозовых. Дорога от Петербурга заняла почти шесть часов — сначала поезд до Гатчины, потом тряска в экипаже по разбитой глине, где колёса вязли так, будто сама земля не желала пускать его в эту глушь.

— Приехали, барин, — кучер, мужик с рябым лицом и вечным табачным плевком в бороде, сплюнул наземь. — Только зря вы сюда. Дом-то нехороший. В прошлом году объездчик наш, царство ему небесное, обходил угодя — так к ночи обратно не вернулся. Нашли утром: сидит под дубом, бел как лунь, и лепечет про белые тени у окон. С тех пор и запил.

Василий Всеволожский, частный детектив из Санкт-Петербурга, поправил пальто — дорогого сукна, но уже потёртого на локтях — и вышел. Он привык не верить рассказам. Пять лет сыска отучили его от мистического трепета: за каждой «белой тенью» стояла чья-то корысть, за каждым «нехорошим домом» — хорошо продуманная ложь. И всё же, едва ступив на усыпанную гравием дорожку, он ощутил знакомый холод под ложечкой — тот, что всегда предшествовал настоящему делу.

Ещё на подъезде он заметил: особняк стоял на отшибе, а лес подступал к нему вплотную, будто хотел сомкнуться за спиной и отрезать путь назад. Архитектура — поздний ампи́р с претензией на столичную роскошь, но лепнина на фронто́не облупилась, а ворота, когда-то позолоченные, теперь походили на больные зубы: чёрные провалы в сквозной ржавчине. Окна — узкие, с мелкой расстекловкой, кое-где затянутые паутиной. На одном из них, в кабинете на первом этаже, тускло блестело что-то странное — не блик, не трещина, а словно бы запотевшее пятно в форме распахнутой ладони. Василий мысленно отметил его, но спрашивать пока не стал.

Внутреннее убранство усадьбы оказалось лучше внешнего: тёмный дуб, портреты предков с тяжёлыми челюстями, запах воска и старых книг. Прислуга — две горничные да немолодой дворецкий Филипп — двигалась бесшумно, но с настороженностью, выдававшей давнюю привычку к скандалам.

В дверях его встретила Елена Всеволодовна Морозова — женщина лет сорока пяти, с цепким взглядом и слишком ровной осанкой для той растерянности, что сквозила в каждом слове. Она была из тех петербургских дам, что умеют держать удар, но сейчас её руки, униженные кольцами с бирюзой, мелко дрожали.

— Господин Всеволожский? Благодарю, что так быстро. Проходите. Шкатулка пропала три дня назад, полиция... — она поморщилась, поправила высокий воротник платья, словно тот душил её. — Полиция сказала: «кража без взлома, ищите своих». Вот я и ищу. Своих.

Последнее слово она выдохнула с такой горечью, что Василий понял: дело не в драгоценностях. Или не только в них.

— А что в шкатулке, кроме фамильных драгоценностей? — спросил он, проходя в прихожую, где зеркала в резных рамах множили их фигуры до бесконечности.

Елена Всеволодовна запнулась. На секунду — незаметную, если бы не глаз сыщика. В этой паузе уместилось слишком много: колебание, страх, и — что особенно заинтересовало Василия — что-то похожее на стыд.

— Золото, бриллианты. Старая работа. И... несколько бумаг. Материальной ценности не представляют.

— И всё же?

Она поджала губы, и взгляд её ушёл в сторону — туда, где в полумраке коридора маячила чья-то тень. Василий не обернулся, но краем глаза уловил: тень шевельнулась и пропала.

— Семейные. — Голос её стал глуше. — Письма. Старые. Простите, но я не намерена обсуждать их содержание. Это не относится к пропаже. Пройдёмте в кабинет.

Кабинет оказался той самой комнатой с загадочным пятном на окне. Вблизи оно не выглядело ничем особенным — просто отпечаток влаги, может быть, от цветочного горшка, что стоял на подоконнике. А может, и нет. Василий провёл пальцем по стеклу — пятно не стёрлось. Словно с той стороны кто-то прижал ладонь, и стекло запомнило.

— Кто имел доступ? — начал он привычные вопросы, достав записную книжку в сафьяновом переплёте.

Но Елена Всеволодовна не дала ему закончить. В дверь без стука вошёл мужчина — высокий, с седыми бакенбардами и воспалёнными веками. Он был в охотничьей куртке, от него пахло порохом и осенним лесом.

— Я слышал, ты пригласила сыщика, — сказал он, не глядя на Василия. Голос — низкий, с хрипотцой, привыкший приказывать. — Зря, Лена. Зря. У нас свои скелеты, и чужим их трясти не позволено.

— Это Сергей Иванович Хованский, — представила Елена Всеволодовна с ледяной вежливостью. — Мой... деверь. Брат покойного мужа.

— И главный наследник, — усмехнулся Хованский. — Пока шкатулка не нашлась — главный. В ней ведь, Леночка, не только твои побрякушки. Завещание брата там. То самое, что ты объявила утерянным полгода назад. А теперь, гляди-ка, нашлось — и тут же пропало. Удобно, правда?

— Вон отсюда, — тихо сказала Елена Всеволодовна.

— А вот и нет. — Хованский подошёл к столу, тяжело опёрся на резную спинку кресла. — Я имею право знать, что за человек будет копаться в нашем грязном белье.

Он наконец повернулся к Василию. Изучил его лицо — спокойное, с родинкой над левой бровью, с тем особенным петербургским выражением, когда человек видел слишком много, чтобы удивляться. Спросил:

— Где ж таких, как вы, делают? В сыскальной полиции, небось, отслужили? Или по объявлению?

Василий не торопился с ответом. Он давно усвоил: мужчины вроде Хованского — с бакенбардами и громким голосом — не выносят тишины. Она заставляет их говорить лишнее.

— Я начинал в Петербурге, — сказал он наконец, убирая книжку. — У пристава Шредера. Семь лет в сыскальной. Потом ушёл в частную практику. Если вас интересует моя репутация — справьтесь у господина Суворина, я для него одно дельце вёл.

— Какое?

— Конфиденциальное, — мягко ответил Василий. — Как и это.

На самом деле история была проще и горше. Василий Всеволожский не по своей воле стал сыщиком. Отец его, мелкий почтовый чиновник из Коломны, спился, оставив вдову с тремя детьми. Василий, старший, пошёл в полицию из голода — там давали казённую квартиру и паёк. Он быстро оказался полезен: читать-писать умел, почерк имел каллиграфический, а главное — обладал той редкой способностью видеть детали, которые другие пропускали. Шредер, старый волк с Выборгской стороны, заметил это и стал брать с собой на выезды. А потом — убийство купца Елисеева, запутанное дело, где все улики вели на горничную, а Василий обнаружил след на дверной ручке, принадлежавший племяннику. Тот признался, но перед этим

успел шепнуть в сыском отделении: «Ты, Всеволожский, зря такой умный. Для таких, как ты, в Петербурге — дно канала».

Вскоре Шредера перевели, а Василию предложили «уйти по собственному». Он понял намёк и открыл контору на Литейном — сначала в полуподвале, потом, после громкого дела о подделке векселей, поднялся на второй этаж. К нему ходили купцы, адвокаты, иногда — испуганные жёны чиновников. Он брался за всё, кроме бракоразводных процессов: те напоминали о том, как его собственная жена, Надежда, ушла к инженеру путей сообщения, сказав на прощание: «Ты, Вася, любишь не меня, ты любишь чужие тайны».

Он и вправду любил. Тайны пахли по-разному: нафталином, страхом, чужими духами, иногда — просто пылью. Тайна усадьбы Хованских-Морозовых пахла гарью и старой обидой.

— Довольно, Сергей! — Елена Всеволодовна стукнула кулаком по столу. — Ты уже полгода живёшь здесь, пьёшь моё вино и ешь мой хлеб. Если шкатулка найдётся — получишь свою долю по завещанию. А нет — убирайся в свою Москву, там тебе самое место, среди купцов и проходимцев.

— Проходимцев? — Хованский расхохотался. — Это та, кто держит любовника в горничной, называет меня проходимцем?

— Не смей!

— А что? Думаешь, сыщик не узнает? — Он обернулся к Василию, глаза горели злым торжеством. — Знайте, господин Всеволожский: в этом доме все врут. Жена покойного — врунья. Племянница, что сидит в своей комнате и рисует виды кладбища, — тоже врёт. Даже дворецкий, который кланяется, а сам вас на кухне шапкой померял. Но больше всех врёт тот, кто шкатулку унёс. Потому что он — свой.

Василий молчал. В кармане его пальто лежала телеграмма, присланная Еленой Всеволодовной две недели назад. Он тогда ещё удивился: "Почему она выбрала меня? Сыщиков в Петербурге — дюжина". Теперь он начинал понимать. Ей нужен был не детектив. Ей нужен был свидетель. Или — дублёр. Кто-то, кто подтвердит её версию.

А может, наоборот — кто-то, кто найдёт правду, даже если она сожжёт всё имение дотла.

Василий подошёл к окну, посмотрел на тусклое пятно на стекле. Лес за окном смыкал ряды. Где-то там, в глубине, хрустнула ветка.

— Начнём с утра, — сказал он. — А пока — покажите мне комнаты всех, кто был в доме в ночь пропажи. И ту самую шкатулку — не саму, разумеется, но рисунок, если есть. Или описание.

— Рисунка нет, — ответила Елена Всеволодовна. — Зато есть тот, кто его может сделать. Моя племянница, Варвара. Она... странная девочка. Но рисует точно, как дагерротип.

— Где она?

— В синей гостиной. Только прошу вас... — Женщина запнулась, впервые за весь разговор. — Не пугайтесь. Она не всегда говорит то, что думает. Иногда — то, что видит.

Хованский сзади хмыкнул и, не прощаясь, вышел, хлопнув дверью так, что задребезжали стёкла.

Василий остался стоять у окна. На стекле — странное пятно ладони. В ушах — ссора, ещё не начавшаяся, но уже неизбежная. А впереди — девушка, которая рисует кладбища и говорит то, что видит.

В Петербурге, на Литейном, в его кабинете пахло кофе и воском для пола. Здесь пахло бедой.

Он пошёл в синюю гостиную, чувствуя спиной, как лес за окном делает ещё один шаг вперёд.

Глава 2. Странные символы

Кабинет оказался тесным, заставленным тяжёлой мебелью красного дерева — такие гарнитуры привозили из Петербурга в конце прошлого века, когда в усадьбах ещё не экономили на свечах и каминных поленьях. В воздухе пахло пылью, старым табаком (Хованский курил здесь, не спрашиваясь, Елена Всеволодовна уже махнула рукой) и ещё чем-то — сладковатым, нежилым, словно в комнате заперли букет гвоздик, а потом забыли вынести, и цветы сгнили в вазе, отравив воздух собственным тлением.

— Шкатулка стояла здесь, — Елена указала на пустое место на секретере, на потёртом сукне, где квадратным пятном темнел отпечаток дна. — На ночь я её запирала. С утра — нет. Ключ был при мне, в спальне, под подушкой. Я одна знала.

Она лгала. Василий понял это по тому, как быстро она говорила — слишком гладко, словно репетировала перед зеркалом. Опытный лжец всегда делает паузы, взвешивает слова. Неопытный — торопится, боится, что его перебьют, и потому сыплет подробностями, словно горохом.

— Вы одна? — переспросил он, опускаясь на корточки перед секретером. Пол был паркетный, штучный, с геометрическим рисунком «дворянский ромб». Замок секретера — врезной, английской работы, с секретной защёлкой. На нём не было ни царапин. На внутреннем ящичке, куда, по словам хозяйки, она прятала ключ «иногда, когда кажется, что за мной следят», — тоже. Следов отмычки не осталось. Следов плоскогубцев — тоже. Значит, либо вор знал код защёлки (что маловероятно: такие замки ставили на заказ, и мастер был один, умер пять лет назад в Царском Селе от чахотки), либо ключ всё-таки украли, пока хозяйка спала, а потом вернули на место.

— Кто знал, где ключ? — повторил он, поднимаясь.

Елена Всеволодовна помедлила. В этом молчании уместилось больше, чем в любом признании.

— Я. И... — она сглотнула. — Ольга, экономка. Она ведёт хозяйство, стирает бельё, убирает в кабинете иногда, когда я прошу. И... сын, Максим. Но Максим не стал бы воровать у матери. Он не такой.

— Вы сказали «не такой». — Василий стряхнул пылинку с колена, задержал взгляд на хозяйкиных руках — дорогой перстень с сапфиром сидел криво, словно она крутила его нервно, когда волновалась. — А какой он?

Вместо ответа Елена Всеволодовна отвернулась к окну. Спина её, прямая, корсетная, вдруг стала хрупкой, почти девичьей. В отражении стекла Василий увидел, как она закусила губу — эту ужимку он хорошо знал: так женщины скрывают слёзы, когда позор перевешивает боль.

— Максим — мой единственный сын, — произнесла она глухо. — От первого брака, с Хованским. Покойным. Ему двадцать три. Учился в Петербурге, на юридическом. Не кончил. Связался с... дурной компанией. Картёжники, знаете? И одна девица из Лиговки, которая обещала ему золотые горы, а сама вытащила из него всё до копейки. — Она резко обернулась, и голос её зазвенел: — Но он не вор! Он шалопай, транжира, но не подлец. Это я вам как мать говорю.

Матери говорят так всегда, подумал Василий. И всегда ошибаются, когда речь идёт о сыновьях.

Он не стал спорить. Вместо этого подошёл к окну — к тому самому, где тускло блестело странное пятно. Теперь, при дневном свете (неуверенном, больном свете петербургского сентября, который пробивался сквозь мелкую расстекловку жёлтыми ломтями), пятно оказалось не пятном вовсе. А чем-то иным, что заставило даже бывалого сыщика замереть.

На нижней створке окна, на высоте примерно трёх вершков от подоконника, кто-то выпарапал знаки. Не буквы, не вензеля. Мелкие, почти ювелирной работы, тонкие линии — словно их делали не ножом, а иглой или костяной спицей, дюйм за дюймом, с ожесточённым терпением. Но самое странное: царапины были не снаружи, где их мог оставить случайный прохожий или забредший из леса бродяга, а изнутри кабинета. Кто-то стоял здесь, в этой комнате, и методично выводил на стекле символы.

Один напоминал перевёрнутую звезду — те, что рисовали в грессбухах масонов, о которых Василий читал в нелегальных брошюрках, продававшихся на Апраксином дворе. Другой — стилизованное древо с тремя корнями, уходящими в разные стороны. Третий — круг, пересечённый двумя зигзагами, похожий на молнию в миниатюре. И четвёртый, самый крошечный, почти стёршийся от времени или влаги: тройной узел без начала и конца.

— Это вы сделали? — спросил он, резко повернувшись к Елене Всеволодовне.

— Что? — Она подошла ближе, и в тот миг, когда её взгляд упал на стекло, лицо её сделалось белым, как кожаные корешки на полках кабинета. — Нет. Я... я никогда этого не видела. Что это?

Василий не ответил. Он опустился на одно колено, достал из кармана лупу — карманную, в никелированной оправе, подарок Шредера перед самой отставкой. Рассмотрел царапины. Глубина — равномерная, нажим — уверенный, без дрожи. Правша. Рост — чуть выше среднего: линии выведены на уровне груди, если наклоняться вперёд. Почерк — нервный, но твёрдый. Не новичок. И не глупец: царапал стекло не для красоты, а для чего-то иного, возможно, страшного.

— Следы преступника, — сказал он, пряча лупу. — Или призрака. — Усмехнулся, потому что в усадьбах всегда так: либо вор, либо покойник. — Только призраки обычно не царапают стёкла. Им, знаете ли, это ни к чему. А вот человеку — очень даже.

— Кому? — Голос хозяйки сел до шёпота.

— Тому, кто был в этом кабинете после вас. Или до вас. — Василий выпрямился, потёр переносицу — привычка, оставшаяся от бессонных ночей на Литейном. — Кто имел доступ в кабинет? Всех перечислите, не стесняясь, включая прислугу и случайных гостей.

В дверях, прежде чем Елена Всеволодовна успела открыть рот, возникла фигура — сухая, чёрная, бесшумная, как рыба в мутной воде. Она появилась так внезапно и так неслышно, что даже Василий, привыкший к любым неожиданностям, внутренне вздрогнул. Женщина в тёмном платье, с седыми волосами, затянутыми в жёсткий пучёк. Лет пятидесяти пяти, с глубокими морщинами, проложенными не годами, а чем-то другим — заботой, горем, а может, и вовсе неотмщённой обидой. И глаза — очень светлые, почти прозрачные, как у кошки, которая смотрит сквозь вас, будто вас и нет.

— Ольга, — представилась женщина. Голос — сухой, без интонаций, словно она перебирала сушёные грибы. — Я домоправительница. Вы по поводу пропажи?

— Да. — Василий внимательно взгляделся в её лицо. Ни одного лишнего движения. Ни одного намёка на волнение. Слишком спокойна, подумал он. Либо не виновата, либо — великая актриса. — Где вы были три дня назад, после полуночи?

— В своей комнате, — ответила Ольга без запинки, даже не моргнув. — Спала.

— Кто-нибудь может подтвердить? Соседи по коридору? Горничная? Лакей, если есть?

— Я одна в этом крыле. — Ольга чуть склонила голову, и в этом движении было что-то старомодное, почтительное и одновременно — отстранённое. — Западное крыло нежилое, там хранят старую мебель и книги. Я живу в комнате над кладовой. Дверь закрываю на засов. Слышать ничего не могла. И никто ко мне не приходил.

Василий заметил: она не отвела взгляда. Смотрела прямо, с тем особым спокойствием, которое бывает или у святых, или у убийц, уже продумавших своё алиби до мелочей. Но руки её

— худые, с набухшими венами, с жёлтыми мозолями на пальцах, выдававшими многолетнюю работу с утюгом и щёткой — сжались в замок. Сжались и замерли, будто в молитве.

— Благодарю, — сказал Василий. — Я, возможно, загляну к вам позже. Посмотрю вашу комнату. Не возражаете?

— Воля ваша, — ответила Ольга. — Только там не на что смотреть. Кровать, образ, сундук. Я человек небогатый.

Она поклонилась и вышла так же бесшумно, как вошла, — скользнула в коридор, и через секунду её шагов уже не было слышно, словно пол проглотил её целиком.

— Странная женщина, — заметил Василий, когда они с Еленой Всеволодовной остались одни.

— Она давно у нас, — ответила хозяйка, поправляя воротник. — Ещё при свёкре служила. Знает все тайны дома. Может быть, даже слишком много.

— Вы ей доверяете?

Елена Всеволодовна замаялась. Взяла со стола подсвечник, поставила обратно. Потом сказала:

— Доверяю. Но не всем сердцем. Ольга из тех, кто никогда не говорит всего, что знает. Это пугает.

— А вы, Елена Всеволодовна, сами, где были в ночь пропажи?

Она обернулась к нему резко, с вызовом.

— Я тоже спала. У себя. В спальне на втором этаже. Дверь была заперта изнутри — у нас, знаете, после смерти мужа... нервы шалют. Я запираюсь на ночь.

— Ключ от вашей спальни?

— У меня одного. Второй — у Ольги, на случай пожара. Ольга никому его не даст.

— А Максим? У него есть ключ?

— Нет. — Голос хозяйки дрогнул, но тут же окреп. — И не было. Максим в городе был, я уже говорила. Проверить можете.

— Проверим, — спокойно сказал Василий, делая пометку в книжке. Карандаш скрипел по бумаге, и в этом скрипе было что-то успокаивающее, деловое, напоминавшее о Петербурге, о кабинете на Литейном, где всё ясно и где каждый факт можно перепроверить. — А где сейчас Максим? Я хотел бы с ним поговорить.

— Вернулся сегодня утром, на рассвете. — В голосе Елены проскользнуло что-то похожее на страх — не тот холодный, рассчитанный ужас, который она демонстрировала гостям, а настоящий, материнский, от которого немеют пальцы. — Он... он не в духе. Предупреждаю. Вчера узнал, что невеста его, Лизавета из Тамбова, прислала письмо с разрывом. Денег требует за молчание. Девушка оказалась... нехорошая. Максим запил. А когда он пьёт, лучше к нему не подходить.

— Это вам решать, — сказал Василий. — Но если он украл шкатулку — а я не утверждаю, что украл, — то каждый час промедления работает против него. И против вас.

— Я понимаю. — Елена Всеволодовна вздохнула, и в этом вздохе сдулась вся её многолетняя выдержка, все вечера в одиночестве, все слёзы, выплаканные в подушку, чтобы горничные не слышали. — Пойдёмте. Только... ради бога, не давите на него слишком сильно. Он мой сын. Единственный.

Они вышли из кабинета. Коридор был длинный, с высокими закопчёнными потолками. Портреты предков смотрели с осуждением: Хованские с бакенбардами, Морозовы с бритым подбородками, одна старая княгиня в кружевном чепце, похожая на пересушенную розу. У лестницы на второй этаж Василий заметил дверь, запертую на тяжёлый висячий замок.

— А туда? — спросил он. — Что там?

— Библиотека покойного мужа, — ответила Елена Всеволодовна, даже не обернувшись. — Закрыта с его смерти. Ключ утерян.

— Утерян или спрятан?

— Какая разница? — Она ускорила шаг. — Там мыши и пыль. Сын моего мужа от первого брака — Сергей Иванович, вы его видели — хотел разобрать книги, но я не позволила. Пусть всё остаётся как есть. У каждого свои тайны, господин Всеволожский.

Они поднялись по лестнице. Второй этаж пах иначе — ладаном, старыми коврами и ещё чем-то, напоминавшим больничную аптеку. У одной из дверей, обитой тёмно-синим сукном, Елена Всеволодовна постучала.

— Максим! Открой! К тебе пришли.

Тишина. Потом — глухой удар, словно что-то упало на пол. Потом — шаркающие шаги. Дверь распахнулась, и на пороге возник молодой человек.

Он был красив той особой, болезненной красотой, которая у петербургских юношей сменяется либо ранней могилой, либо глубокой философией. Тёмные кудри, бледное лицо с тонкими, почти женскими чертами, глубоко запавшие глаза, окружённые синевой. От него пахло перегаром, дешёвым табаком и ещё чем-то горьким — может быть, полыньё, а может быть, отчаянием.

— Мама, — сказал он хрипло. — Я просил не беспокоить.

— Это сыщик, Максим. Он поможет нам найти шкатулку.

— Шкатулку? — Максим усмехнулся, и в этой усмешке было столько желчи, что Василий невольно вспомнил своего отца — того самого, спившегося почтового чиновника, который точно так же усмехался, когда ему предлагали «помочь». — Ах да, шкатулка. С фамильным золотом. С бриллиантами. И с завещанием, которое перекроит всю нашу никчёмную жизнь.

Он перевёл взгляд на Василия. Изучил его лицо — спокойное, с родинкой, с тем особенным выражением, которое бывает у людей, переживших унижение и выживших.

— Заходите, господин сыщик, — сказал Максим, отступая в полумрак комнаты. — Заходите и наслаждайтесь. Вы попали в настоящий театр. Здесь играют все, и каждый — свою роль. А шкатулка — просто реквизит.

Он засмеялся — коротко, зло, и в этом смехе послышалось что-то от того сладковатого запаха, которым был пропитан кабинет внизу.

Василий перешагнул порог. В комнате было темно, шторы задёрнуты, горела одна керосиновая лампа. На столе — недопитая бутылка коньяка «Samus» и развёрнутое письмо на розовой бумаге, похожее на засохшую рану.

Он сел на стул, который Максим подвинул носком сапога, и подумал: «Ещё одна роль. Ещё одна ложь. Вопрос только — чья».

Лес за окном шелестел листвой, и в этом шелесте мерещились шаги.

Глава 3. Первые подозреваемые

Максим Морозов оказался молодым человеком лет двадцати пяти, с нервным лицом и руками, которые постоянно что-то теребили — то пуговицу, то край стола, то собственный ремень. В этой комнате, затянутой пыльным плюшем, с зашторенными окнами, даже воздух казался больным — смесь вчерашнего табака, не выветрившегося коньяка и той особой, липкой тоски, которая поселяется в жилищах людей, переставших верить в собственное завтра.

Василий сел на стул, который Максим подвинул носком сапога, и первым делом оглядел стол. Бутылка французского коньяка «Camus» — недопитая, но этикетка свежая, значит, куплена в последние дни. Пепельница, полная окурков папирос «Тройка» — дешёвых, не по карману барину. Письмо на розовой бумаге, разорванное пополам, но потом склеенное — видимо, передумал уничтожить. Василий заметил несколько фраз, проступавших сквозь слепленные края: «...ты обещал, Максим, а теперь я жду ребёнка...», «...если не заплатишь три тысячи, напишу твоей матери...», «...я знаю про ту ночь, знаю про шкатулку...»

— Мать зря вас наняла, — бросил Максим вместо приветствия. Он не сел, ходил по комнате, заложив руки за спину. — Полиции хватило бы. У них опыт, связи, методы.

— Полиция ушла с пустыми руками, — заметил Василий, закрывая записную книжку. — Через два дня, подписав акт о «краже без взлома при неясных обстоятельствах». Пристав Зуев — человек старой школы: не любит, когда пропадают вещи в домах, где все друг друга знают. Он сказал вашей матушке дословно: «Ищите своих, барыня. Свои и украли». Так что я — последняя инстанция, Максим Сергеевич. Вы же читали газеты? Двенадцать раскрытых дел за полтора года. Двенадцать.

Максим остановился. Взглянул исподлобья — испуганно, но с примесью того мальчишеского любопытства, которое в иных обстоятельствах могло бы сойти за дружелюбие.

— Двенадцать? И все — в Петербурге?

— И в Петербурге, и окрестностях. — Василий не любил хвастаться, но в этом деле нужен был авторитет. Слишком многие врал. — Дело фон Дервиза о подлоге векселей слышали? Моё. А история с пропажей бриллиантов у княгини Щербатовой? Тоже моя. Княгиня потом прислала мне серебряный портсигар с вензелем. Я его, правда, не ношу — тяжелый.

Он говорил и одновременно следил за руками Максима. Те продолжали теребить ремень — дёргать пряжку, ослаблять, затягивать снова. Классический тик. Тик, который появляется у людей, оказавшихся под давлением. Исчезает, только когда они признаются. Или, когда лгут так искусно, что сами начинают верить в собственную ложь.

— А вы где были в ночь пропажи? — спросил Василий. Вопрос прозвучал буднично, как о погоде. — Третьего сентября, с вечера до утра.

Максим замер. На секунду — незаметную для непосвящённого, но сыщик с семилетним стажем разглядел, как расширились зрачки. Потом молодой человек рассмеялся — наигранно, громко, и в этом смехе послышалось что-то от того сладковатого запаха, которым был пропитан кабинет внизу.

— В городе, — бросил он, отворачиваясь к окну. — У приятелей. Хорошая компания, ресторан, девушки. Стандартный петербургский вечер. Денег, правда, потратил много — мать будет ругаться. Но зато повеселился.

— У каких приятелей? — Василий не повышал голоса. Говорил тихо, почти ласково — так разговаривают с испуганными детьми или с ранеными зверями. — Назовите фамилии. Имена. Адреса. Я проверю — у меня, знаете, есть связи в городском полицейском управлении. Бывшие коллеги не забывают.

Максим замялся. Слишком явно. Слишком долго для человека, который действительно провёл ночь в компании.

— Не помню фамилий, — выдавил он наконец. — Мы встретились случайно, в трактире на Лиговке. Выпили, поехали к одной девице. Адреса не знаю. Имен тоже. Бывает же такое, господин сыщик?

— Бывает, — согласился Василий. — Только обычно те, кто не помнит имен, помнят приметы. Рост, цвет волос, особые приметы. Шрам, например. Или хромота. А вы, Максим Сергеевич, не помните ничего. Почему?

— Потому что пил много! — взорвался молодой человек. Он резко обернулся, и в его глазах Василий увидел не только злость, но и страх — настоящий, животный, который невозможно сыграть. — Пил и забыл. Какое вам дело? Вы ищейка, вот и ищите! А если вам не нравится, как я отвечаю, — можете убираться в свой Петербург, к своим княгиням и портсигарам!

Он вскочил, опрокинув стул. Но Василий не шелохнулся. Сидел, сложив руки на коленях, и смотрел спокойно, как смотрит врач на пациента, у которого начинается припадок.

— Не помните фамилий, — повторил он, не обращая внимания на вспышку. — Не помните лиц. Не помните адресов. Но при этом — вот что интересно — ваши сапоги в грязи. Осенней. Свежей. А у нас, Максим Сергеевич, три дня не было дождя. Только вчера к вечеру, часов с семи, началась морось. И если вы были в городе — как вы объясните грязь на подошвах? В Петербурге мостовые, там лужи, но грязь — иная: серая, маслянистая, с примесью угольной пыли. А у вас — чёрная, жирная, с кусочками прелых листьев. Садовая. Усадебная. Вы ходили по саду вчера ночью.

Максим побледнел. Побледнел так, что веснушки, которых прежде Василий не замечал, проступили на лице яркими рыжими пятнами.

— Я... — начал он и запнулся. Потом выдохнул, сел на край кровати, опустил голову. — Я ходил. В сад. Около полуночи. Но не за шкатулкой.

— А за чем?

— Я хотел посмотреть, не бродят ли воры. Или кто. Я слышал шаги в доме. Ночью. Когда все спали. Кто-то ходил по коридору второго этажа. Медленно. Останавливался у каждой двери. Я выглянул — никого. Только тень на стекле внизу. На окне кабинета.

— Какая тень?

— Не знаю. — Максим поднял глаза. В них была мука — неподдельная, тяжёлая, которая бывает только у людей, столкнувшихся с чем-то, для чего у них нет слов. — Длинная. И какая-то... не такая. Она не лежала на стекле, а стояла. Понимаете? Как живая. И там, где она касалась рамы, что-то блестело. Как глаза. Я испугался и убежал. Вот и всё.

Василий молчал, обдумывая услышанное. Шаги. Тень. Блеск. Если Максим не врёт — а он, кажется, не врал в этот раз, слишком уж естественен был его ужас, — то в доме в ночь пропажи был кто-то ещё. Кто-то, кого не заметили. Или кто-то, кого не хотят замечать.

— Вы сказали «все спали». — Василий взял со стола разорванное письмо, повертел в руках, положил обратно — небрежно, будто оно не имело значения. — А вы сами почему не спали?

— А вы не догадываетесь? — Максим горько усмехнулся, кивнув на письмо. — Лиза. Невеста. Точнее — бывшая. Пишет, что ждёт ребёнка. Требуется три тысячи. И угрожает... она знает про шкатулку. Я не понимаю — откуда. Но знает.

— Что именно знает?

— Что там не только драгоценности. И не только завешание. Там... — Максим замялся, словно споткнулся о собственные слова. — Там письма. Моего отца. Его брату. Старые. Мать говорит, что они ничего не значат, что это бредни больного человека. Но Сергей Иванович, дядя, думает иначе. Он считает, что в этих письмах — доказательства. Кто-то из Хованских... не умер. А выжил. И живёт среди нас.

В дверях, прежде чем Василий успел задать следующий вопрос, снова возникла Ольга — неслышно, как рыба из глубины, как тень, не имеющая хозяина. Она стояла на пороге, сложив руки на груди, и её прозрачные глаза перебегали с Василия на Максима и обратно.

— Игорь пришёл, — сказала она сухо. — Садовник. Говорит, вы хотели его видеть.

— Хотел, — ответил Василий, поднимаясь. — Пригласите его в кабинет. И передайте Елене Всеволодовне: я буду задавать вопросы всем, включая прислугу. Если кто-то откажется отвечать — я уеду, а дело передам в сыскное отделение. Там разговор будет другой.

Ольга кивнула и исчезла. Максим проводил её взглядом, полным странной смеси ненависти и восхищения.

— Она давно здесь, — сказал он тихо. — Ольга. Ещё при деде. Знает всё. Каждый угол, каждый подпол, каждый тайник. Если бы она захотела украсть шкатулку — украла бы. И никто бы не нашёл концов.

— Вы думаете, это она?

— Я думаю, — Максим подошёл к столу, налил коньяка в гранёный стакан, выпил залпом, не закусывая, — что в этом доме все — воры. Одни крадут деньги, другие — тайны, третьи — чужие жизни. А шкатулка — просто предлог.

В кабинете Василия уже ждали. Игорь, садовник, оказался мужчиной неопределённого возраста — могло быть и сорок, и пятьдесят пять, и шестьдесят. Лицо его, изрытое оспинами, напоминало карту старой войны, а руки — землистые, с чёрной каймой под ногтями — лежали на коленях неподвижно, как мёртвые крабы. Одет он был в стёганный ватник, перетянутый верёвкой, и картуз с надорванным козырьком.

На вопросы отвечал односложно: «да», «нет», «не знаю», «не видел». Но когда Василий спросил, что он делал в ночь пропажи, Игорь вдруг усмехнулся — широко, безрадостно, обнажив жёлтые, редкие зубы.

— Работал в дальнем конце сада. Готовил яблони к зиме. Побелку делал, ветки сухие обрезал. А вы думаете — грабил?

— Я ничего не думаю. — Василий перелистнул страницу. — Я проверяю факты. Кто-нибудь вас видел? Горничная, кучер, ночной сторож?

— Ночью? — Игорь пожал плечами, и в этом пожатии было столько равнодушия, словно речь шла не о пропаже, а о вчерашнем супе. — Луна была. Полная, яркая. Деревья — как свечи. Земля — белая. И тени. Много теней. Может, кто и видел. Может, и нет.

— Вы говорите загадками, Игорь. — Василий отложил карандаш. — А я не люблю загадок. В них теряется истина.

— А истины нет, — ответил садовник, поднимаясь. — Есть только то, что мы видим. Я видел — человек ходил вокруг кабинета. Ночью. В плаще. Низкий, коренастый. С клюкой. Я окликнул — не обернулся. Сгинул в кустах. Может, призрак. Может, вор.

— Почему не сказали полиции?

— А кто меня спрашивал? — Игорь усмехнулся снова. — Полиция приехала, с умным видом ходила, а на прислугу даже не глянули. Потому что мы — не люди. Так, фон. Вот я и молчал. А вам — сказал. Потому что вы спросили.

Он вышел, не дожидаясь разрешения. Василий некоторое время сидел неподвижно, перебирая в уме услышанное. Садовник с оспенным лицом. Низкий, коренастый человек с клюкой. Тень на стекле. Шаги в коридоре. И лес, который подступает к дому всё ближе, словно хочет поглотить его целиком.

Он вернулся в кабинет. Снова осмотрел окно. Вынул из кармана лупу и принялся изучать царапины — символы, которые так встревожили Елену Всеволодовну.

Перевёрнутая звезда. Древо с тремя корнями. Молния, вписанная в круг. Тройной узел.

Василий поднял голову и посмотрел на хозяйку, которая стояла у порога, бледная, сжимая в руках платок.

— Елена Всеволодовна, — сказал он негромко. — Эти символы — не случайные. Это не магические знаки, не детские каракули. Они похожи на геральдические. На родовые метки. Те, которые в старину вырезали на надгробиях или на дверях опочивален, чтобы уберечь дом от зла. Кто жил в этом доме до вас? До Хованских? И почему никто не снял эти знаки за сто лет?

Хозяйка помолчала долго. Взгляд её ушёл в сторону — туда, где в углу кабинета стоял тёмный шкаф с книгами, а за шкафом темнела узкая дверь, запертая на засов.

— Дворянский род Хованских, — произнесла она наконец тихо, словно боялась, что стены услышат. — Основатель усадьбы, Пётр Алексеевич Хованский, построил её в 1812 году, после войны. Он был масоном. Говорят, состоял в ложе «Умиравший сфинкс». В подвале у него была тайная комната, где они собирались. После его смерти здесь случилось... нехорошее. Убили его дочь, Елизавету. Зарезали в собственной спальне. Дело не раскрыли. Но на стенах — нашли знаки. Такие же. Стекло тогда заменили, но через год знаки появились снова. И так — каждый раз. С тех пор дом считается... — она запнулась, подбирая слово, — беспокойным.

— И никто с тех пор не интересовался? — спросил Василий, хотя ответ уже знал.

— А зачем? — Елена криво улыбнулась, и в этой улыбке было что-то обречённое, безнадёжное, свойственное людям, которые живут с тайной слишком долго. — Хованские почти вымерли. Остались мой покойный муж, его брат Сергей да Максим. Но, может, и не вымерли... Этого никто не знает. В семейных бумагах говорится, что у Елизаветы был жених, тайный, низкого происхождения. И что она ждала от него ребёнка. Когда её убили — ребёнок исчез. То есть — родился, но его украли. Или спрятали. И никто не знает, где он и жив ли.

Василий подошёл к стеклу. Пальцем — не касаясь, только на расстоянии — обвёл один из символов. Перевернутое дерево с тремя корнями.

— Если этот человек жив, — сказал он задумчиво, — и если у него есть потомки... то у них, возможно, есть права на наследство. На этот дом. На землю. На усадьбу. И на шкатулку, в которой хранится завещание.

Елена Всеволодовна молчала. Но в её молчании Василий прочёл всё: страх, стыд, и — главное — подтверждение. Она знала. Знала с самого начала.

— Я берусь, — сказал он, поворачиваясь к ней. — Но вы будете отвечать на все мои вопросы. Без утайки. Без этих ваших «семейных тайн» и «материальной ценности не представляет». Если я пойму, что вы снова лжёте — я уйду. И заберу свои выводы с собой. А выводы будут не в вашу пользу. Вы понимаете?

Елена Всеволодовна кивнула. Но Василий видел — она снова соврала. Не о шкатулке. О чём-то большем. О том, что лежало на дне этой истории, как камень на дне колодца.

За окном серел сентябрьский вечер. Из сада тянуло прелью и сыростью. Где-то в глубине дома хлопнула дверь, раздался женский плач — глухой, отчаянный, тут же смолкший, словно его задушили подушкой.

Василий взял со стола свечу, зажёл от камина и двинулся к той узкой двери, что темнела за книжным шкафом. Пора было узнать, что скрывают стены этого дома.

И кто в них живёт.

Глава 4. История, которая не лежит на поверхности

Ночь прошла беспокойно. Василий спал урывками — на жёстком диване в комнате для гостей, которую отвела ему Елена Всеволодовна. Дом дышал. Он буквально дышал — старческими половицами, которые вздыхали под тяжестью невидимых шагов; печными трубами, в которых ветер выводил заунывные рулады; стенами, хранившими тепло давно угасших каминов. Под утро ему приснился Петербург — Литейный проспект, морозящий дождь, знакомая вывеска «Частное сыскное дело. В. Всеволожский». Но вместо двери в контору была чугунная решётка Летнего сада, а за решёткой — женщина в белом, которая манила его пальцем, и на стекле её кареты проступали те самые символы: звезда, дерево, молния, узел.

Проснулся он в поту, с колотящимся сердцем. За окном серел рассвет — скупой, петербургский, без надежды на солнце. Дождь перестал, но воздух был тяжёлым, насыщенным влагой и запахом прелых листьев.

Наскоро умывшись ледяной водой из рукомойника (в усадьбе не было даже примитивного водопровода — только колодец и медные рукомойники, какие Василий помнил ещё по детству в Коломне), он спустился в столовую. Длинный стол, накрытый на десять персон, пустовал. Лишь на одном конце сидела Елена Всеволодовна с чашкой кофе и раскрытой газетой.

— Вы рано, — заметила она, не поднимая глаз.

— Привычка. — Василий взял с подноса бутерброд с ветчиной и откусил — хлеб оказался чёрствым, а ветчина пахла копильней, будто её заготовили ещё прошлой зимой. — Сегодня мне нужно в город. В архив.

— Зачем? — Елена Всеволодовна отложила газету. Взгляд её был настороженным, как у кошки, почуявшей чужого на своей территории.

— Хочу узнать историю этого дома. Ту, которая не лежит на поверхности. Вы говорили об убийстве дочери Хованского. Но не назвали имени. А без имени — как без ключа.

— Анастасия, — тихо сказала Елена. — Её звали Анастасия. Ей было девятнадцать. Убили в саду, в два часа ночи, накануне её свадьбы.

— С кем?

— С молодым человеком из Петербурга. Не из нашего круга. Отец был против, но она настояла. А потом...

— Что потом?

— Потом её нашли с ножом в груди. А жених исчез. Его искали, но так и не нашли. А через год объявился — в Петербурге, женатый на другой. Следствие закрыли за отсутствием состава преступления.

Василий допил кофе. Горький, жидкий, с примесью цикория — здесь экономили на всём, даже на еде.

— Вы верите в призраков, Елена Всеволодовна?

Вопрос застал её врасплох. Она поморщилась, как от зубной боли.

— Я верю в то, что вижу. А видела я эту тень. И не один раз. Она появляется у окна кабинета в ночь на третье сентября. Каждый год. В ту самую ночь, когда убили Анастасию. И в этом году... шкатулка пропала именно в эту ночь. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Что призрак украл бриллианты? — Василий усмехнулся. — Простите, но я человек земной. Призраки не крадут. Призраки — это совесть. Или страх. Или память. А крадут всегда живые.

— Тогда ищите живых, — отрезала Елена Всеволодовна, поднимаясь из-за стола. — А я поеду в церковь. Сегодня поминальный день.

Она вышла, оставив Василия одного среди пустых стульев и грязных тарелок. На стене, над буфетом, висел портрет пожилого мужчины с орденами на фраке. «Пётр Алексеевич

Хованский. 1775–1842» — гласила медная табличка. Основатель усадьбы. Масон. Человек, построивший этот дом на костях.

Василий долго смотрел на портрет. Что-то в лице старика было неуловимо знакомым — не черты, нет, а выражение. Та же складка у губ, что и у Максима. Та же глубокая морщина между бровей, что и у Елены Всеволодовны.

«Странно, — подумал он. — Максим — не родной сын? Но похож на прадеда. Тогда в чём же тайна?»

Дорога до города заняла около часа. Василий нанял в усадьбе ту же подводку, что вчера, — кучера звали Ефимом, он был нем как рыба и, казалось, спал с открытыми глазами. Город, уездный центр Н., встретил сыщика привычной провинциальной суетой: бабы с корзинами, купцы в картузах, городской у базарной площади, скушающий в ожидании взятки. Здание архива — двухэтажный особняк с колоннами — ютилось между присутственными местами и духовной семинарией.

Внутри пахло мышами, плесенью и вековой пылью. Высокие шкафы с делами уходили к потолку, и чтобы достать верхние полки, служители пользовались шаткой лестницей на колёсиках.

Старый чиновник с золотым пенсне и лицом, похожим на печёное яблоко, — в ведомости он значился как «губернский секретарь Модест Ипатьевич Клюкин» — встретил Василия без энтузиазма, но после предъявления удостоверения (выданного в сыском отделении Петербурга, с водяными знаками и подписью самого пристава Шредера) сменил гнев на милость.

— Хованские? — переспросил он, ковыряя в ухе длинным костяным пальцем. — А на что вам сдались Хованские? Вымерли почти все. Остался один Сергей Иванович, но он, говорят, проживает в Петербурге, а имение сдаёт в аренду.

— Не совсем, — ответил Василий. — В усадьбе живёт вдова его брата. Елена Всеволодовна. Меня интересует история дела об убийстве Анастасии Хованской. 1812 год.

Клюкин поднял брови и вдруг оживился — видимо, любопытство победило чиновную лень.

— Анастасия Петровна? — переспросил он. — Та самая, которую у садовой стены нашли? О, это было громкое дело. Весь губернский суд полгода заседал. Свидетелей допросили сорок три души. А толку — никакого.

— Почему?

— А потому, — Клюкин понизил голос, словно стены архива могли подслушать, — что убийца был свой. В доме. И все знали — кто. Но доказать не могли. А потом он умер — и дело закрыли.

— Кто умер?

— Муж Анастасии. Тот самый, тайный жених. Его звали... — Клюкин зашуршал бумагами, отыскивая нужную папку. — Ах да. Павел Дементьев. Мещанин из Коломны. Торговец тканями. Пётр Алексеевич, отец Анастасии, был против брака, но девица настояла. Сбежала с ним, обвенчались тайно в сельской церкви, а через три дня её убили. Дементьева арестовали, но через год выпустили — не хватило улик. А ещё через год Дементьев утонул в Неве. Якобы случайно. Но ходили слухи, что его толкнул с набережной кто-то из Хованских.

Василий взял папку. Бумаги пахли временем — кислым, удушливым, почти живым. Он перелистывал страницы, вчитываясь в косые строки, написанные канцелярским почерком. Протоколы допросов. Описания места происшествия. Показания свидетелей.

— Вот, — Клюкин ткнул пожелтевшим пальцем в один из листов. — «Происшествие в имении Хованских: злодейское убийство девицы Анастасии Хованской, дочери надворного советника. Тело найдено в саду близ окна кабинета. На стекле — неизвестные знаки».

Василий перелистнул страницу. Следом шло ещё одно объявление — мелким шрифтом, почти неразличимым из-за выцветших чернил: «Надворный советник Хованский предлагает

вознаграждение в пять тысяч рублей за сведения об убийцах. Особое внимание — знакам на стекле».

— И что, не нашли? — спросил он, хотя ответ уже знал.

— Как не нашли? — Клюкин поднял брови. — Нашли. Через год. Дементьева и нашли. Но выпустили за недостатком улик. А потом он утонул — и дело закрыли. Денег никто не получил.

— А знаки? Те самые, на стекле?

— А знаки так и остались загадкой. — Клюкин пожал плечами, и его костлявые лопатки заходили под курткой, словно крылья. — Может, масоны, может, бесы. А может, просто выдумки. Бабы всегда привидениями пугают, когда совесть нечиста.

Василий перелистнул ещё несколько страниц. И вдруг увидел то, что заставило его сердце биться чаще. Приложение к делу — рисунок. Грубый, карандашный, с пометкой «следы на стекле, скопированные приставом Леонтьевым». И на рисунке — те же символы. Перевернутая звезда. Древо с тремя корнями. Молния в круге. Тройной узел.

Те же. Точь-в-точь.

— Можно мне это? — спросил он, указывая на рисунок.

— Что вы, что вы! — Клюкин испуганно замахал руками. — Архивное дело! Не положено. Но... — он замялся, бросил взгляд на дверь, убедился, что за ней никого нет, — снимите копию. Я отвернусь. А вы — на память.

Василий вынул из кармана карандаш и блокнот — тот самый, сафьяновый, с петербургским тиснением на обложке. Быстро, стараясь не шуршать, срисовал символы. Потом спросил:

— Модест Ипатьевич, а что было после смерти Дементьева? Имение перешло к Петру Алексеевичу? А потом — к кому?

— К сыну, Сергею Петровичу. А после его смерти — к внуку, Ивану Сергеевичу. А уж потом — к Сергею Ивановичу и... как его... к брату? Ах да, к Алексею Ивановичу. Отцу Максима. Но тот умер скоропостижно. И теперь — Елена Всеволодовна как вдова, и Сергей Иванович как брат покойного. Только Сергей Иванович живёт в Петербурге, а сюда наезжает редко.

— А линия Дементьева? У него были дети?

Клюкин замер. Потом медленно, очень медленно повернулся к Василию. В глазах его было что-то — не испуг, но близко к тому.

— Откуда вы знаете? — спросил он шёпотом.

— Догадался, — ответил Василий. — Если Анастасия успела обвенчаться, то теоретически могла быть беременна. И ребёнок мог выжить. И у этого ребёнка — а значит, у потомков Дементьева — могли быть права на наследство. Права, которые кто-то хотел бы скрыть. Например, подделав завещание. Или — украв шкатулку.

Чиновник побледнел. Схватил папку, прижал к груди.

— Уходите, — сказал он. — Уходите сейчас. Я ничего не знаю. Ничего! И вы меня не спрашивали.

Василий вышел на крыльцо архива. Дождь начинался снова — мелкий, колючий, как булавы. Он поднял воротник пальто и зашагал к подводе, ожидавшей у ограды.

«Ребёнок, — думал он. — Ребёнок, которого не было в официальных бумагах. Ребёнок, который мог бы вырасти и вернуться в этот дом. Через сто лет. Или — его внуки».

В усадьбу он вернулся к вечеру. Дождь усилился, превратив просёлок в месиво из глины и конского навоза. Промокший до нитки, Василий вошёл в дом и сразу услышал крики — из гостиной.

Голос Максима, пьяного в стельку (от него несло за версту — сивухой, потом и ещё чем-то сладковатым, напоминавшим портвейн), гремел на весь коридор:

— Ты всегда скрывала! Кто мой отец? Почему я не похож на Хованских? Почему у меня нет ни одной их черты? Ни подбородка, ни носа, ничего! Я как выродок в этом доме!

— Прекрати! — Голос Елены Всеволодовны был тонок и дрожал, как натянутая струна. — Ты пьян! Иди в свою комнату, проспись, а утром мы поговорим.

— Мы поговорим сейчас! — Максим что-то опрокинул — видимо, стул. — Ты не дала мне денег на расчёт с Лизой! Она теперь пойдёт к судье, подаст на алименты! А если она расскажет про шкатулку? Ты подумала об этом?

Василий вошёл в гостиную. Картина была неприглядной: Максим, краснолицый, с расчёсанными волосами, стоял посреди комнаты, размахивая пустой бутылкой. Елена Всеволодовна, бледная как полотно, жалась к стене, закрывая лицо ладонями. На полу — осколки вазы, разлитый чай, кусок пирога, растоптанный каблуком.

— Ваше сиятельство, — Василий обратился к Максиму подчёркнуто официально, надеясь, что титул остудит его пыл, — я понимаю ваше волнение, но давайте разойдёмся по углам. Вы — в свою комнату, я — в кабинет. А утром, с ясной головой, продолжим разговор.

— Не лезьте! — Максим обернулся к нему. В его глазах плескалось что-то дикое, отчаянное — смесь стыда и ненависти. — Вы — наёмная ищейка! Мать платит вам — вы и лааете в её сторону! А на самом деле вы никто! Из грязи вылезли, в грязи и останетесь!

Василий промолчал. Он давно научился не реагировать на оскорбления. Но внутри что-то неприятно кольнуло — не потому, что слова Максима были обидны, а потому, что в них была доля правды. Из грязи. Из Коломны. Из полуподвала, где он ночевал в детстве рядом с пьяным отцом.

— Прекрати немедленно! — Елена Всеволодовна сделала шаг к сыну. — Ты не смеешь так говорить с человеком, который пытается нам помочь!

— Помочь? — Максим захохотал — жутко, истерично. — А может, он пришёл не помогать? Может, его нанял дядя Сергей, чтобы найти бумаги и доказать, что я — не наследник? Что я — никто! Подкидыш! Найдёныш!

И тут Елена Всеволодовна сделала то, чего Василий от неё не ожидал. Она размахнулась и ударила сына. Звонко. По щеке. С такой силой, что он пошатнулся.

— Вон из комнаты! — закричала она. — Вон, пока я не позвала людей!

Максим устался на мать — ошарашенно, с обидой, которая была страшнее любой злости. Потом повернулся и пошёл к двери, шатаясь, цепляясь за косяки. В дверях он столкнулся с Ольгой. Та стояла на пороге, прямая, чёрная, как траурная свеча, и смотрела на молодого человека долгим, странным взглядом.

Василий заметил этот взгляд. И замер.

В нём не было ни почтительности, ни привычной служебной отстранённости. В нём было что-то иное — материнское, болезненное, полное одновременно и любви, и вины. Словно Ольга смотрела на собственного сына, которого не имела права называть своим.

— Ольга, — позвал Василий, когда Елена Всеволодовна выбежала за Максимом в коридор. — Останьтесь.

Она вошла, бесшумно закрыла за собой дверь.

— Вы давно в этом доме? — спросил он, указывая на кресло напротив.

— Двадцать пять лет, — ответила Ольга, не садясь. — Я здесь родилась. Моя мать служила ещё Петру Алексеевичу, а бабка моя была при Анастасии — нянькой.

— И вы знаете историю убийства?

— Знаю. — Её глаза потемнели, стали цвета мокрого асфальта. — Анастасию Петровну убили в саду, у окна кабинета. У неё в руках был ключ. Маленький, серебряный, с инициалами. Ключ от шкатулки. Той самой, что пропала теперь.

— От какой шкатулки? — Василий подавил желание вскочить. — Вы знаете эту шкатулку?

— Её сделали сто лет назад для Анастасии. Подарок жениха. В ней хранили письма и... доказательства. Чего — я не знаю. Но старые люди говорят, что в той шкатулке была правда. О ребёнке, о котором никто не говорил вслух. О ребёнке, который родился уже после её смерти. Его украли, спрятали, воспитали в тайне. И он вырос. И у него были дети.

— Ольга, — Василий посмотрел ей прямо в глаза. — Кто вы на самом деле? И почему смотрите на Максима так, словно он — ваш?

Она молчала долго. Так долго, что Василий уже решил: не ответит. Потом медленно, очень медленно, подошла к окну и коснулась стекла пальцем.

— Тот ключ, серебряный, с инициалами, — сказала она не оборачиваясь, — нашли через пятьдесят лет. В стенке этого дома. Замурованный. Там была ниша, выложенная кирпичом. Ключ лежал в ней, как в гробу.

— Чьи инициалы?

Ольга повернулась. И Василий увидел на её лице то, что редко видишь у живых людей: абсолютную, бесповоротную решимость.

— П. Д. Павел Дементьев, — прошептала она. — Тот самый, которого обвинили. Который утонул. Но он не утонул. Он жил. Долго. И его потомки живы до сих пор. Один из них стоит сейчас в этой комнате.

И она посмотрела на него. Не отрываясь. С вызовом.

Василий медленно поднялся.

— Вы? — переспросил он, хотя ответ уже знал.

— Моя прабабка была дочерью Павла Дементьева и Анастасии Хованской. Той самой, которую убили. — Ольга говорила ровно, без пафоса, как о погоде. — Родилась через месяц после смерти матери. Её спрятали родственники отца, вырастили в Петербурге, в бедности. Дали фамилию мужа — Всеволожской. Она вышла замуж за человека из низшего сословия. Родила дочь. Та родила меня. А я родила... — Она запнулась. Впервые за весь разговор её голос дрогнул.

— Кого? — спросил Василий, хотя догадка уже обожгла его, как ударом тока.

— Максима, — сказала Ольга. — Я родила Максима. От покойного Алексея Ивановича Хованского. Елена Всеволодовна не могла иметь детей. Она сделала всё, чтобы я отдала ей сына. Забрала его у меня сразу после родов. А меня оставила прислугой — чтобы я всегда была рядом, но всегда — на своём месте.

Василий сел обратно в кресло. Ноги не держали его.

— А Максим знает? — спросил он.

— Нет, — ответила Ольга. — И никогда не узнает. Потому что, если узнает — убьёт. Её. Или себя. Или меня. А я хочу, чтобы он жил. Даже не зная правды.

— Тогда зачем вы мне рассказали?

Ольга посмотрела на залитое дождём окно. На стекле проступали символы — звезда, древо, молния, узел. Те самые, что сто лет назад нарисовал кто-то, пытаясь предупредить или проклясть.

— Затем, — прошептала она, — что тень на старинном стекле — это я. Или не я. Или мы все. Вы её уже видели, господин детектив. И ещё увидите. Потому что правда, которую я вам сказала, — ещё не вся правда. Есть вторая тайна. Страшнее первой. И она лежит в пропавшей шкатулке.

За окном ударил гром. Сентябрьский, низкий, не ко времени. И в его раскате Василию почудился смех — старческий, злой, торжествующий.

Смех дома, который хранил тайны дольше, чем любой человек способен хранить жизнь.

Глава 5. Первая улика

Наутро дождь кончился. Не так, как это бывает в Петербурге — когда тучи рассеиваются за час и выглядывает бледное, больное солнце, — а медленно, с неохотой, будто небо сжимало мокрые пальцы над усадьбой, боясь выпустить её из своей власти. Василий вышел на крыльцо в пятом часу, когда ещё только начинало сереть, и первым делом оглядел сад.

Ночь сделала своё дело: ветки кустов пригнулись к земле, трава полегла, листья прибило к дорожкам, превратив аллеи в жёлто-бурое месиво. Но не это привлекло его внимание. А то, что под окном кабинета — там, где, по словам Ольги, сто лет назад нашли тело Анастасии Хованской — земля была взрыхлена. Свежая работа. Не вчерашняя и не позавчерашняя, а сегодняшняя: влажные комья глины ещё не успели подсохнуть, края ямки не обвалились, а в нескольких местах виднелись чёткие отпечатки сапог — глубокие, с крупным протектором, каких не носят ни барыни, ни прислуга.

Василий присел на корточки, не касаясь земли руками. Следы вели от окна — туда, к зарослям сирени, а оттуда — к чёрному ходу дома. Значит, копал не чужой. Свой. Кто-то, кто хорошо знал и дом, и сад, и — главное — место старого преступления.

«Или место, где что-то спрятано», — подумал он.

Пальцы нащупали в кармане пальто лупу, но он не стал её доставать. Сначала — осмотр. Потом — детали.

Он опустился на колени — пальто жалко, но что поделаешь, не в первый раз — и начал осторожно разгребать рыхлую землю. Она поддавалась легко, почти ласково, будто кто-то уже проделал эту работу до него и только присыпал сверху тонким слоем. На глубине двух-трёх вершков пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Василий замер, потом — медленно, стараясь не повредить находку — обнажил предмет.

Ключ.

Старый, чугунный, с круглой головкой. Чугун заржавел так, что в некоторых местах отошёл слоями, как старая краска. Но на головке — там, где когда-то была гравировка, — ещё можно было разобрать буквы. Василий поднёс ключ к глазам. Стёртые, но читаемые инициалы:

А.Х.

Анастасия Хованская.

Он повертел ключ в руке, изучая со всех сторон. Обычный дверной ключ — массивный, старинной работы, с бородкой, которая могла подойти разве что к замку прошлого века. На одной стороне бородки — едва заметный скол. На другой — следы пайки, будто ключ когда-то ломали, а потом чинили. Или, наоборот, специально изменяли, чтобы он подходил не к одному, а к двум замкам.

Сзади раздался шорох — сухой, осторожный, как шорох мыши в подполе. Василий не обернулся, только насторожил слух.

— Что вы нашли?

Голос принадлежал Игорю. Садовник стоял в трёх шагах, в руках — секатор. Слишком большой для обрезки — с лезвием в четверть аршина, такой способен перерубить не только ветку, но и человеческую руку. Одет он был в тот же стёганный ватник и картуз, что вчера, но сапоги — другие, грубые кирзовые, ещё с вечера. И на них — свежая глина, тёмная, жирная, точно такая же, как у окна кабинета.

— Ключ, — спокойно ответил Василий, поднимаясь во весь рост. Он не спрятал находку — наоборот, держал её на виду, будто приглашая садовника рассмотреть. — А вы что здесь делали вчера ночью, Игорь? Сад копали?

Садовник дёрнулся — всего на мгновение, но Василий успел заметить, как его правый глаз, который казался меньше левого, задрожал мелкой, нервной дрожью.

— Ничего, — слишком быстро ответил тот. — Спал. В своей каморке. Собаки лаяли — слышал. А больше ничего.

— В сапогах, перепачканных той же землёй, что у этого окна? — Василий кивнул на ноги садовника. — Вы копали здесь, Игорь. Не отпирайтесь. Следы ваши — от кабинета до чёрного хода. Зачем? Что вы искали?

Игорь побелел. Побелел так, что его оспины, обычно тёмные, выступили на лице белыми кратерами, как луна в безоблачную ночь. Секатор выпал из его рук — не стукнулся о землю, а ушёл в неё лезвием по самую рукоятку, застыв под углом, как могильный крест.

— Я не убивал, — выдохнул садовник. Голос его сел до шёпота. — Клянусь богом, не убивал. Я только искал. Мне велели.

— Кто велел? — Василий сделал шаг вперёд. — Говорите. Если скажете правду, я не передам вас полиции. Слово.

— Слово сыщика? — Игорь горько усмехнулся. — Да мне ваше слово — что собаке пятая нога. Но... — он оглянулся на дом, на тёмные окна, в которых уже начали зажигаться огни, — если скажу, меня убьют. Тот, кто велел. Он и так... он и так уже убивал. Раньше.

— Где? Когда?

Но Игорь уже бросился прочь — не в дом, а в сад, ломая кусты сирени, перепрыгивая через клумбы, давя молодые яблоньки. Василий не стал его догонять. Во-первых, он знал: садовник никуда не денется, не тот человек, чтобы бежать без оглядки — слишком привязан к этому месту, к этой земле, где, возможно, зарыто нечто большее, чем старый ключ. Во-вторых, погоня привлекла бы внимание из окон, а внимание в этом доме было опаснее любой улики.

Он снова посмотрел на ключ. Повертел его так и этак. Потом перевёл взгляд на окно кабинета — то самое, где сквозь грязь и время всё так же проступали символы, выцарапанные неизвестной рукой.

Перевёрнутое дерево. Три корня, уходящих в разные стороны.

«Дерево рода, — подумал Василий. — Три корня — три ветви. Хованские, Морозовы и... и кто-то третий. Тот, кого вычеркнули из истории. Потомки Дементьева и Анастасии. Которые имеют право на наследство, на этот дом, на эту землю. И на то, что лежит в шкатулке».

Он не заметил, как Ольга подошла к нему сзади. Она умела двигаться беззвучно — как тень, как тот самый призрак, о котором говорили в усадьбе.

— Что вы нашли? — спросила она, глядя на ключ.

— Ключ Анастасии Хованской, — ответил Василий, не скрывая. — Тот самый, о котором вы говорили вчера. Серебряный? Вы сказали — серебряный. А этот — чугунный.

Ольга взяла ключ из его рук — пальцы её, худые и жилистые, дрожали. Рассмотрела, повертела, потом вдруг побледнела ещё сильнее, чем давеча Игорь.

— Это не тот ключ, — произнесла она чужим, не своим голосом. — Это — ложный. Отвлекающий. Настоящий — серебряный, с инициалами П.Д. Павел Дементьев. Он должен быть в шкатулке. Вместе с бумагами.

— А этот нашли здесь, под окном, там, где убили Анастасию, — сказал Василий. — Зарытый. Недавно. Кто-то искал его. Или наоборот — прятал.

— Игорь? — спросила Ольга.

— Игорь — исполнитель. — Василий забрал ключ обратно, спрятал во внутренний карман пальто, рядом с записной книжкой и снимками прежних дел. — А кто заказчик — предстоит выяснить. Или вы знаете?

Ольга промолчала. Но в её глазах что-то мелькнуло — страх, отчаяние, а может быть, надежда.

— Берегитесь садовника, — сказала она наконец. — И берегитесь Сергея Ивановича. Он вернулся сегодня ночью. Я слышала его шаги.

— Хованский? — Василий нахмурился. — Зачем?

— Говорит — за своим добром. А на самом деле... на самом деле он ищет ту самую шкатулку. Он уверен, что в ней — завещание, где всё оставлено ему. А Максим — ничего не получит. Потому что Максим — не Морозов. И не Хованский.

— По крови — ваш, — тихо сказал Василий. — А по документам?

— По документам — сын Елены Всеволодовны и Алексея Ивановича. — Ольга усмехнулась — горько, с болью. — Она позаботилась об этом. Купила свидетелей, подкупила чиновников, наняла адвокатов. А меня сделала прислугой. Потому что живой свидетель — опаснее любой бумаги.

В доме зажглись огни. Сначала на кухне — тусклый жёлтый свет керосиновой лампы, потом в гостиной — яркий, от хрустальной люстры с электрическими свечами (усадьба была подключена к городской сети пять лет назад, когда ещё был жив Алексей Иванович). Чьи-то тени задвигались за стёклами. Одна из них — длинная, неестественно прямая, какой не бывает у живого человека, — замерла у окна гостиной, будто смотрела прямо на детектива.

Василий знал: это не галлюцинация. Не игра света. Не плод его утомлённого воображения. Это — начало. Начало того, что закончится либо раскрытием тайны, либо новой смертью.

Он поднялся на крыльцо, отряхнул колени, спрятал руки в карманы пальто. Ключ тяжело лежал во внутреннем кармане — напоминал о себе холодом, тяжестью, почти живым теплом.

— Ольга, — спросил он, не оборачиваясь. — А где сейчас Максим?

— В своей комнате. — Она помолчала, потом добавила, едва слышно: — Сергей Иванович привёз ему письмо. От Лизы. Она требует пять тысяч. Иначе — идёт в суд. Максим плакал. Я слышала сквозь дверь.

— А Елена Всеволодовна?

— В кабинете. Ждёт вас. Говорит, что знает, кто украл шкатулку, но боится сказать. Боится, что вы не поверите.

Василий вздохнул. Потяжелевший воздух усадьбы давил на плечи — не физически, а морально, как груз чужих тайн, который ему предстояло распутать, нить за нитью, узел за узлом.

«Как те три корня на стекле, — подумал он. — Один корень — ложь. Второй — правда. А третий — смерть».

Он вошёл в дом. В кабинете, у камина, действительно ждала Елена Всеволодовна. В руках — письмо в конверте с сургучной печатью. Лицо — белое, как бумага.

— Это пришло сегодня утром, — сказала она, протягивая письмо. — Без подписи. Без обратного адреса. Я нашла его на пороге своей спальни.

Василий взял конверт. Вскрыл. Прочитал. И — впервые за много лет — почувствовал, как холодок пробежал по спине.

На листе бумаги было всего две строки:

«Шкатулка не пропала. Она вернулась туда, где была сто лет назад. Ищите в склепе Хованских. Там, где Анастасия ждёт своего часа».

— Кто это мог написать? — спросила Елена Всеволодовна дрожащим голосом.

Василий не ответил. Он смотрел на подпись — её не было. Но внизу, на полях, кто-то вывел тот же символ, что и на стекле.

Перевернутое дерево с тремя корнями.

«Три корня, — повторил он про себя. — Три правды. И одна из них — могильная».

За окном ударил колокол — старый, церковный, с колокольни села, что в трёх верстах от усадьбы. Он звонил к заутрене. Но Василию почудилось в его ударах не призыв к молитве, а погребальный звон.

По ком? Пока не знал. Но чувствовал: скоро узнает.

Слишком скоро.

Глава 6. Алиби, которые не складываются

На следующее утро Василий проснулся от того, что кто-то скрёбся в дверь его комнаты. Негромко, настойчиво, как мышь, точащая половицу. Он нащупал под подушкой браунинг — привычка, оставшаяся с сыскных времён, когда приходилось спать впрытык к опасности, — и тихо спросил:

— Кто там?

— Ольга, — раздался приглушённый голос. — Барин, вставайте. Елена Всеволодовна велела передать: все соберутся в гостиной к девяти часам. Будет разговор.

— Какой разговор?

— Тот, что вы затеяли, — ответила экономка и удалилась, не добавив ни слова.

Василий взглянул на карманные часы — цепочка серебряная, с гравировкой «За усердие», подарок Шредера после дела Елисеева. Половина восьмого. Он нехотя вылез из-под одеяла, умылся ледяной водой из рукомойника (трубы в усадьбе провели только в кухню и ванную Елены Всеволодовны, до гостей руки не дошли), натянул чистое бельё и тот же сюртук — правда, вычищенный щёткой, которую предусмотрительно оставил на стуле.

В гостиной было натоплено — камин пылал так, что потрескивали поленья, и воздух пах берёзовым дымом и воском. Мебель — тяжёлая, краснодеревная, с инкрустацией — стояла ровными рядами, как солдаты на смотре. Картины на стенах изображали охотничьи сцены: борзые, растерзанные зайцы, всадники в зелёных мундирах. Василий не любил охоту — слишком много смерти для одного полотна.

Елена Всеволодовна уже была там. Стояла у камина, сложив руки на груди, и смотрела на огонь с таким видом, будто он был её последним союзником. На ней было тёмно-зелёное платье с высоким воротником, волосы убраны в тяжёлый пучёк, ни единой седой пряди — крашенная, догадался Василий. Крашенная и тщательно уложенная, чтобы никто не догадался о возрасте. Всё в ней было крашеным: и лицо — тонкий слой румян, и губы — чуть тронуты кармином, и даже руки — униженные кольцами с бирюзой, которая не шла к её бледной коже.

Максим сидел в кресле у окна, откинувшись на спинку и закрыв глаза. На вид ему было не двадцать три, а все тридцать пять — темные круги под глазами, небритая щетина, галстук повязан кое-как. Он держался похмельным, но трезвым — вчерашний скандал, видимо, сделал своё дело, вытряхнув из него остатки хмеля. Рядом с ним на столике стоял стакан с водой и пузырёк с аспирином.

Ольга замерла у двери, как изваяние — прямая, чёрная, с руками, сложенными на животе. Её прозрачные глаза перебегали с одного лица на другое, но ни на ком не задерживались дольше секунды. Игорь пришёл последним, волоча ноги и избегая смотреть на детектива. Он встал у порога, снял картуз и принялся мять его в руках, выжидая.

— Благодарю, что собрались, — начал Василий, когда все расселись. Он не сел сам — ходил по ковру взад-вперёд, заложив руки за спину. Эта манера, выработанная годами допросов, заставляла подозреваемых нервничать. Когда следователь движется, ему легче ловить взгляды. — Я проверяю алиби. Каждое. Досконально. Потому что в ночь пропажи шкатулки здесь, в этом доме, находились только свои. Чужих не было. Или — почти не было.

— Откуда вы знаете? — спросил Игорь, не поднимая глаз.

— Дорога от станции до усадьбы — единственная. В ту ночь никто не проходил, потому что за день до этого размыло мост через ручей. Ефим, ваш кучер, подтвердил. Он пытался проехать в ночь убийства — не смог. Так что либо вор — свой, либо он умеет летать.

Никто не улыбнулся.

— Начнём с вас, Максим Сергеевич, — Василий остановился напротив молодого человека. — Вы сказали, что в ночь пропажи были в городе у приятелей. Играли в карты до двух часов ночи. Назовите их.

Максим открыл глаза. В них была усталость — глубокая, вековая, какая бывает у стариков, а не у двадцатипятилетних.

— Сергей Львов, — произнёс он, словно выдавливая из себя зуб. — И Дмитрий Белоголовцев. Мы играли в преферанс. Я проиграл. Сильно.

— В карты? — Василий достал блокнот, раскрыл на нужной странице, провёл пальцем по своим вчерашним пометкам. — Интересно. А я был в городе вчера. Наводил справки. Сергей Львов, как мне сказали, уехал в Москву за неделю до пропажи. А Дмитрий Белоголовцев лежал в больнице с воспалением лёгких — и, говорят, совсем плох. Выходит, вы играли с призраками?

Максим побледнел. Побледнел так, что его щетина стала казаться чёрной на белом фоне.

— Я... я ошибся, — выдавил он, отводя взгляд. — Это были другие.

— Другие? — Василий не повышал голоса, наоборот — говорил тише, ласковее, что всегда пугало подследственных больше крика. — Отлично. Назовите их фамилии.

— Не помню.

— Не помните? — Василий закрыл блокнот, сунул в карман. — Вы проиграли крупную сумму — сколько? Три тысячи? Пять? И не помните, кому?

— Я не помню имён! — взорвался Максим, вскакивая с кресла. — Мы встретились в ресторане «Метрополь», пили, потом поехали в гостиницу, там и играли. Я был пьян! Очень пьян! А наутро проснулся в номере один, денег не было, и даже визитной карточки никто не оставил. Какое вам ещё нужно алиби?

— То, которое можно проверить, — спокойно ответил Василий. — Служащие «Метрополя» вас не помнят. Я звонил оттуда вчера. И в гостинице «Московская» вас тоже не видели. Вы были в городе, Максим Сергеевич, или вы ложёте?

Максим опустил обратно в кресло, как подкошенный. Взял стакан с водой, выпил залпом, поставил так, что стекло звякнуло.

— Я был здесь, — сказал он тихо. — В саду. Гулял. Не спалось. Но я не заходил в кабинет! Клянусь! Я только ходил по дорожкам, курил, думал. Письмо от Лизы... вы его видели. Оно меня доконало. Я не мог спать.

— Кто-нибудь вас видел?

Максим поднял голову. Взгляд его упал на Игоря — садовник стоял у двери, низко опустив голову, и его картуз, который он продолжал мять, превратился в бесформенный ком тряпья.

— Игорь видел! — выкрикнул Максим, ткнув в садовника пальцем. — Он тоже был в саду. Я его видел у старой липы. Он что-то делал под деревом — копал, кажется. Я окликнул, но он не ответил. Испугался и ушёл.

— Врёте, — прошипел Игорь, поднимая голову. В его оспенном лице, обычно бесстрастном, проступило что-то звериное. — Я вас не видел. Ни у какой старой липы. И вообще, я работал в дальнем конце сада, у пруда. Откуда мне знать, где вы шатались со своей тоской?

Василий перевёл взгляд на садовника:

— Вы, Игорь, вчера сказали, что спали. Сказали: «Спал, собаки лаяли, больше ничего». А сегодня вы говорите, что работали в дальнем конце сада. Как это понимать?

Игорь набычился, сжал картуз в кулаке.

— Я работал до полуночи. Обрезал яблони, готовил их к зиме. А после спал. Часов до двух меня в саду не было. Следы мои, которыми вы тычете, — от той работы. А не от грабежа.

— Кто-нибудь может подтвердить, что вы были в саду до полуночи?

— Ольга, — неожиданно сказал садовник. — Она выходила на крыльцо. Около часу. Я видел её тень в свете луны. Длинную такую, прямую. Она стояла и смотрела в мою сторону. Я даже рукой помахал — не ответила. Ушла в дом.

Все взгляды обратились к экономке. Ольга стояла неподвижно, как деревянная кукла — ни мускул на лице не дрогнул. Только пальцы, сложенные на животе, сжались в замок — тот самый, который Василий уже заметил при первой встрече.

— Я была в своей комнате, — произнесла она ледяным, почти механическим тоном. — После одиннадцати я не выхожу. Кому-то могло показаться. Тени бывают обманчивы. Особенно при луне.

— Вы врётё! — вмешалась Елена Всеволодовна, не выдержав. Она сделала шаг вперёд, и пламя камина отразилось в её глазах двумя маленькими факелами. — Я сама видела вас ночью. Возле кабинета! Выходила из спальни попить воды и увидела в окно коридора — вы шли к кабинету. Я не обозналась!

Тишина стала плотной, как вода в пруду. Слышно было, как потрескивают поленья и где-то в глубине дома скрипит половица под чьей-то осторожной ногой.

— Зачем вы ходили к кабинету, Ольга? — спросил Василий тихо, почти ласково.

— Я не ходила, — ответила экономка, и голос её был ровен, как струна. — Елена Всеволодовна обозналась. Или намеренно лжёт.

— Как вы смеете! — воскликнула хозяйка, и румянец выступил на её щеках поверх румян — живой, настоящий, от гнева.

— А вы как смеете подозревать меня? — Ольга впервые повысила голос. В нём зазвенело что-то — не истерика, нет, а многолетняя, копившаяся годами обида. — Я служу этому дому двадцать пять лет! Я знаю каждый угол, каждый подпол, каждую половицу, которая скрипит! Моя мать служила здесь, моя бабка родилась в этой усадьбе! А вы, Елена Всеволодовна, — пришедшая! Выкупили имение за бесценок, когда Хованские разорились, потому что умеете считать деньги, а не потому, что любите эту землю! Вам ли не знать, что здесь не всё чисто? Что за стенами этого дома — тайны, которые страшнее ваших бриллиантов?

Елена Всеволодовна побелела как мел. Даже губы потеряли цвет.

— Вон из моего дома! — закричала она, указывая на дверь дрожащей рукой. — Сию же минуту! Чтобы духу твоего не было!

— Я уйду, — Ольга выпрямилась ещё больше, расправила плечи, и в этот миг в ней проступило то, что обычно скрывалось под маской прислуги — достоинство, почти царственное. — Я уйду. Но помяните мои слова, Елена Всеволодовна: шкатулка найдётся там, где вы её спрятали. Или тайна Хованских сожжёт этот дом дотла. А может быть, и вас вместе с ним.

Она развернулась и вышла. Не быстро, не медленно — с тем особым достоинством, которое даётся только тем, кто потерял всё и ничего не боится.

Дверь хлопнула так, что задребезжали стёкла в люстрах. Картины на стенах качнулись. Где-то наверху, в одной из спален, что-то упало и разбилось — может быть, ваза, а может быть, чья-то надежда.

Некоторое время никто не произносил ни слова.

— Она... она не должна была так, — пробормотал Максим, глядя на дверь. В его голосе было что-то странное — не гнев, не стыд, а скорее растерянность, как у человека, который только что узнал, что его нянька была королевой.

— Должна или нет, — сухо сказала Елена Всеволодовна, — но она ушла. И хорошо. Лишний подозреваемый.

— Или не лишний, — возразил Василий. Он подошёл к окну, посмотрел на сад. Ольги там уже не было — только мелькнула чёрная тень у ограды, и исчезла. — Елена Всеволодовна, вы уверены, что видели именно её? В ту ночь, у кабинета?

— Абсолютно. — Хозяйка говорила твёрдо, но Василий заметил: она снова крутит перстень на пальце. — Она была в чёрном платье. Луна светила ярко. Я узнала бы эту фигуру из тысячи.

— А вы, Максим? — Василий обернулся к молодому человеку. — Вы сказали, что видели Игоря у старой липы. Что он делал?

— Копал, — ответил Максим, поморщившись, словно воспоминание причиняло ему боль. — Я не разглядел — что именно. Но яму, небольшую. И закапывал что-то. Или выкапывал.

— Почему вы не спросили его тогда же?

— А зачем? — Максим пожал плечами. — Садовник всегда копает. Это его работа.

— Ночью?

— У него бессонница, — вставил Игорь, и в его голосе послышалась обида. — Я вам говорил: я работаю, когда не спится. А вы всё равно мне не верите.

Василий молчал. Он смотрел на трёх людей перед собой — на хозяйку, на её сына, на садовника. И на месте четвёртой, которая только что хлопнула дверью и ушла в неизвестность.

— У вас у всех, — сказал он наконец, — алиби, которые не складываются. Максим врёт про город, Игорь путается в показаниях, Ольга отрицает очевидное, а вы, Елена Всеволодовна, — вы уверяете, что спали, но видели экономку у кабинета. Это значит, что вы тоже не спали. Почему?

— Я выходила за водой, — ответила хозяйка, не моргнув глазом. — Я уже говорила.

— За водой на второй этаж, где есть графин, а спустились на первый, где кабинет? — Василий покачал головой. — Не складывается.

— Я спустилась, потому что мне показалось, что я слышала шаги, — выкрикнула Елена Всеволодовна. — Я испугалась! Вот и всё!

— Шаги кого?

— Не знаю! Мёртвого, наверное! — Она заломила руки. — Господин Всеволожский, я наняла вас, чтобы вы нашли шкатулку, а не допрашивали меня, словно я преступница!

— В этом доме, — тихо сказал Василий, — преступны все. Вопрос только — в какой степени.

Он повернулся и вышел из гостиной, оставив их втроём. В коридоре, на полу, лежал клочок бумаги — выпал из кармана, когда он доставал платок. Василий поднял его и замер.

Это был не его листок.

Чистый, плотный, с водяными знаками — такая бумага продавалась в Петербурге, в лучших магазинах, по рублю за лист. И на нём — карандашом, торопливо, но разборчиво:

«Они всё знают. Бегите, пока не поздно. Тень смотрит в ваше окно».

Без подписи. Без даты. Но почерк — женский, нервный, с наклоном влево — показался Василию смутно знакомым.

Он сунул записку в карман, подошёл к окну. Сад пустовал. Только вдали, у старой липы, где Максим видел Игоря, чернела свежая земля — вчерашняя яма, закопанная наспех, но не заровненная как следует.

Василий вышел на крыльцо. Сырой ветер хлестнул в лицо.

Он знал, куда идти.

К старой липе.

К свежей могиле, где не лежал никто из живых.

Глава 7. Тайный ход

Василий не стал успокаивать Елену Всеволодовну. Та рыдала в кресле, закрыв лицо кружевным платком, плечи её вздрагивали, и сквозь всхлипы прорывались слова: «Я не хотела... я не хотела её выгонять... но она... она сказала такое...». Максим стоял рядом, растерянно мявшийся, переминавшийся с ноги на ногу, не зная, то ли обнять мать, то ли выбежать за Ольгой, то ли налить себе ещё коньяку. Игорь исчез — растворился в дверях, как только хозяйка повысила голос, и Василий заметил это, но не стал останавливать. Садовник никуда не денется — привязан к усадьбе пуповиной вековой привычки.

Вместо этого детектив вернулся в кабинет.

Комната встретила его запахом старого табака и сырости, которую он не заметил в первый день. Теперь, когда за окном разыгрался ветер (сентябрьский, злой, нагоняющий тучи с Финского залива), в кабинете пахло подвалом — той особенной, съёмной свежестью, которая бывает в домах, построенных на болоте. Василий вспомнил: Петербург и его окрестности стоят на торфяниках, многие усадьбы просели за полтора века, и подвалы то и дело заливает грунтовыми водами. Но здесь, в кабинете, пол был сухой. Слишком сухой для дома, где с утра до вечера топили камин.

Он снова осмотрел книжный шкаф. Тяжёлый, дубовый, под потолок, таких уже не делали — разве что на заказ, у лучших петербургских мастеров. По бокам — резные колонны с коринфскими капителями, на полках — кожаные корешки с золотым тиснением: энциклопедии Дидро, труды по агрономии, французские романы прошлого века, полное собрание сочинений Державина. И — одна странность, которую Василий заметил ещё в первый день, но тогда не придал значения: левая колонна не доходила до пола на два вершка. Под ней лежала металлическая пластина, тёмная, чугунная, стёртая до блеска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.